

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2018-17-4-752-768>

Научная статья / Research article

Регулирование торговых отношений между казаками и горцами в первой половине XIX в.

К.Ю. Сухомлинова

Академия маркетинга и социально-информационных технологий – ИМСИТ
350010, Россия, Краснодар, ул. Зиповская, 5
sukhomlinova0206@gmail.com

Аннотация: В статье на основе новых архивных материалов выявляются меры, предпринятые царским правительством и администрацией Черноморского казачьего войска, для развития торговли между казаками и горскими народами в первой половине XIX в. В работе отмечены основные этапы существования меновых дворов – от их появления в начале XIX в. до их упразднения в 50-х гг. XIX в. Автор анализирует основные проблемы, возникавшие в процессе работы меновых дворов, в том числе развитие регулирования товарообмена между ними с помощью таксы на основные товары. Показана значимость документов, регламентировавших меновую торговлю, для развития торговых отношений между соседствующими народами. В статье рассматриваются конкретные примеры, позволяющие раскрыть основные принципы, по которым работали меновые дворы. Показаны механизмы ценообразования, применявшиеся на меновых дворах в различные периоды их деятельности, варьировавшиеся от цен, которые определялись индивидуально и фиксировались на определенный промежуток времени, до порядка коллегиального определения цен, применявшегося позже. Автор приходит к выводу, что осознание необходимости регулировать деятельность меновых дворов с целью получения дополнительных доходов появляется в конце 30-х гг. XIX в. К середине 1840-х гг. возникла необходимость регламентации меновой торговли на государственном уровне, в связи с чем было утверждено «Положение о меновой торговле с горцами по Кавказской линии».

Ключевые слова: Кубань, меновые дворы, меновая торговля, казаки, горские народы, армянские купцы, такса

Для цитирования: Сухомлинова К.Ю. Регулирование торговых отношений между казаками и горцами в первой половине XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2018. Том 17. № 4. С. 752–768. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2018-17-4-752-768>

Введение

В последние годы наблюдается возрождение интереса к экономической истории отдельных регионов России. История казачества и горских народов юга России вызывает большой научный интерес. Переселение казаков на Кубань и освоение ими новых территорий в конце XVIII – начале

XIX в. было сопряжено с определенными трудностями. Создание кордонной линии и охрана границ Российской империи являлись основными задачами казачества. В свою очередь, соседство с горским населением давало возможность построения новых взаимовыгодных торговых отношений, которое происходило постепенно, и на начальном этапе оно выражалось в создании меновых дворов на линии соприкосновения соседствующих народов. Данный процесс требовал регламентации и документирования. Механизмы функционирования меновых дворов и инструменты регулирования их деятельности представляются нам малоисследованными.

Отдельные вопросы, связанные с функционированием меновых дворов на Кавказской линии, были исследованы в работах дореволюционных историков И.Д. Попко¹ и А.С. Собриевского². Ф.А. Щербина в своем фундаментальном труде «История Кубанского казачьего войска» отмечал высокую значимость меновой торговли для Черноморского казачьего войска на этапе расселения казаков в регионе³. Значимую роль деятельности Т.Т. Котляревского в становлении меновой торговли отмечает П.П. Короленко в своей работе «Атаманы бывшего Черноморского казачьего войска»⁴. Богатый материал, извлеченный из Кубанского войскового архива и Владикавказского центрального архива, использовал В.С. Шамрай в своей работе «Краткий очерк меновых (торговых) сношений по Черноморской кордонной и береговой линии с Закубанскими горскими народами»⁵.

В советской историографии процесс функционирования меновых дворов и их значение для горцев рассматривались в работе М.В. Покровского «Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX в.: Социально-экономические очерки»⁶. А.Л. Нарочницкий противопоставлял раз-

¹ Попко И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту: очерки края, общества, вооруженной силы и службы в двух частях. Краснодар: Советская Кубань, [1858] 1998.

² Собриевский А.С. Торговое общество казаков в Черноморском (Кубанском) казачьем войске. 1897 г. (списки членов общества за 1843–1862 гг.) // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1898. Т. 4. С. 3–116.

³ Щербина Ф.А. История края // История Кубанского Казачьего Войска: В 2-х т. Советская Кубань, [1910] 1992. Т. 1. С. 600; *Он же*. История войны казаков с закубанскими горцами: с военно-исторической картой Кубанской области за время с 1800 по 1860 годы // История Кубанского Казачьего Войска. В 2-х т. Советская Кубань, [1913] 1992. Т. 2. С. 580.

⁴ Короленко П.П. Атаманы бывшего Черноморского казачьего войска // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1891 г. Т. 2. С. 16.

⁵ Шамрай В.С. Краткий очерк меновых (торговых) сношений по Черноморской кордонной и береговой линии с Закубанскими горскими народами // Кубанский сборник. Т. 8. Екатеринодар, 1902. С. 353–522.

⁶ Покровский М.В. Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века: Социально-экономические очерки / Под ред. В. Н. Черникова. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1989.

витие торговых отношений методам военного противодействия и отмечал, что именно заинтересованность горских народов Закубанья в торговых связях с Россией вызывала опасения турецких правителей⁷.

Вопросы, связанные с функционированием меновых дворов в XIX в., поднимаются и в работах современных историков. Б.А. Трехбратов отмечает, что в первые годы заселения казаков важное место занимал обмен хлеба у горцев на войсковую соль. Бартер, происходивший по установленным правилам и расценкам, способствовал развитию экономики региона в исследуемый период⁸. Ряд историков подчеркивают значение меновых дворов как инструмента политического и экономического давления на закубанских горцев⁹. При этом некоторые исследователи выделяют политических деятелей, таких как А.П. Ермолов и Н.Н. Раевский, игравших значимую роль в налаживании мирных отношений с горскими племенами¹⁰. Меновая торговля между казаками и горскими народами рассматривается как естественный процесс развития экономики региона на этапе его освоения¹¹. Некоторые нормативно-правовые акты, использовавшиеся царским правительством и разрабатывавшиеся с целью осуществления протекционистской тарифной политики для подавления конкуренции со стороны иностранного товарного транзита и контрабанды, рассматривает в своих

⁷ Нарочницкий А.Л. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М.: Наука, 1988. С. 26.

⁸ Трехбратов Б.А. История и культура народов Прикубанья с древнейших времен до начала XX века. Краснодар: Традиция, 2011. С. 204.

⁹ Шигабудинов Д.М. «Торговая политика» России на северо-восточном Кавказе в период Кавказской войны // *Фундаментальные исследования*. 2013. № 4 (ч. 2). С. 494–498. Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840) / Под ред. Виноградова В.Б. Пятигорск. ПГЛУ, 2002; Великая Е.В. Мероприятия российского правительства по развитию торговли на Северо-восточном Кавказе в первой половине XIX века // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2012. № 9. Ч. 1. С. 47–50; Герман Р.Э. Меновая торговля в центральном Предкавказье в конце XVIII – начале XIX века в системе мер по «замирению Кавказа» // *Вестник Ставропольского государственного педагогического института*. 2016. Вып. 16. С. 234–241.

¹⁰ Басиева З.М. Деятельность Н.Н. Раевского в должности начальника Черноморской береговой линии (1839–1841 гг.) // *Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. Общественные науки*. 2012. № 3. С. 26–31; Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М.: Мысль, 2004.

¹¹ Триус Л. И. О современных подходах к изучению вопросов межкультурного взаимодействия на Северном Кавказе // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2002. № 77. С. 186–192; Федосеева Л. Д. Меновая торговля с горским населением на восточном берегу Черного моря в первой половине XIX в. // *Вестник Адыгейского государственного университета*, 2005. С. 40–42.

работах Ю.Ю. Гранкин¹². В статье Д.С. Кидирниязова «Развитие торговли у Северокавказских народов в 30–50-е гг. XIX в.» сделан акцент на значении торговли между Россией и народами Дагестана¹³. Как отмечает ряд историков, выстраивание экономических отношений было неотъемлемым элементом политики Российских властей на Кавказе, что часто позволяло найти компромисс в решении национального вопроса на присоединенных территориях¹⁴. Исследователи подчеркивают, что для правительства Российской империи было важно установить контакты с лояльно настроенными по отношению к ним представителями черкесской аристократии¹⁵.

В зарубежной литературе меновая торговля считается неотъемлемой частью соседских отношений, складывавшихся в XIX в. между закубанскими племенами горцев и казачьим войском¹⁶. Известный английский путешественник Э.Д. Кларк, описывая торговые отношения между горцами и казаками, отмечал то, насколько высоко закубанские племена ценили соль, которую они меняли у черноморских казаков на свои изделия очень хорошего качества¹⁷. По мнению Т.М. Баретта, несмотря на конфликты, возникавшие между соседствующими казаками и горскими народами, торговля была важным и неотъемлемым элементом их взаимоотношений¹⁸.

В данной статье уделяется особое внимание сложностям, возникшим в процессе регулирования торговых отношений между казаками и горцами, анализируются основные меры, предпринятые руководством Черноморского казачьего войска для их преодоления.

¹² Гранкин Ю.Ю. Закавказская торговля в системе политико-экономических приоритетов российских властей в регионе (первая половина XIX века) // *Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. Общественные науки*. 2017. № 2. С. 13–18.

¹³ Кидирниязов Д.С. Развитие торговли у Северокавказских народов В 30–50-е гг. XIX в. // *Каспийский регион: политика, экономика, культура. Отечественная история*. 2016. № 2 (47). С. 19–25.

¹⁴ Иванцов В.Г., Макаров Ю.Н., Зимовец Л.Г., Шевченко Н.А. Политика царских властей по вовлечению Мингрелии в политико-правовое пространство Российской империи (1774–1857 гг.) // *Былые годы*. 2018. Т. 49. № 3. С. 1019–1027.

¹⁵ Черкасов А.А., Шмигель М., Братановский С., Валлоу А. Черкесская аристократия в конце XVIII – первой половине XIX вв.: социальная структура общества // *Былые годы*. 2018. Т. 47. № 1. С. 88–96.

¹⁶ A. Bashqawi, *Circassia: Born to Be Free* (N.p.: Xlibris Corporation, 2017).

¹⁷ E.D. Clarke, *Travels in Various Countries of Europe, Asia and Africa: Russia, Tartary, and Turkey* (N.p.: T. Cadelland W. Davies, 1817).

¹⁸ T.M. Barrett, “Crossing Bondaries: The Trading Frontiers of the Terek Cossacks,” in *Russia’s Orient: imperial borderlands and peoples, 1700–1917* (N.p.: Indiana University Press. 1997), 230.

Принятие таксы на 1837 г.

На первом этапе развития торговых отношений между казаками и горцами регулирование товарообмена происходило при помощи меновых дворов. В правление Павла I известны случаи, когда на нападение горских народов на казачьи селения казаки с позволения императора возвращали или планировали возратить утраченное путем «взятия репрессалии», что в международном праве понимается как принятие принудительных мер политического и экономического характера, применяющихся одним государством в ответ на неправомерные действия другого государства¹⁹. С 1801 г. в переписке начальства Кавказской линии и императора Александра I акцент переносится на налаживание экономических связей с горскими народами. Александр I настоятельно рекомендует «во всех случаях ласковостью и справедливыми поступками стараться приобретать доверенность и почтение соседственных народов», если же противозаконные действия их требовали наказания их «репрезалью, то оную учинить таким образом, чтобы явно видели оное, что сами тому причиной»²⁰. Поэтому развитие торговли на меновых дворах и регулирование этих процессов стало важным аспектом политики царской России на Кубани.

Первые меновые дворы, или «сатовки», были основаны на правом берегу реки Кубани по Высочайшему соизволению государя Павла Петровича в ответ на прошение кошевого атамана войска Черноморского Т.Т. Котляревского от 21 июля 1799 г. В нем говорилось о фактах грабежа казачьих поселений горскими народами и необходимости основать места для обмена товаров, особенно соли, так нужной горцам, во избежание дальнейших конфликтов. Российское правительство считало, что налаживание меновой торговли между казаками и горскими народами станет одной из самых действенных мер к умиротворению горцев²¹.

В 1811 г. меновой торг осуществлялся, в частности, при Усть-Лабинском карантине, о чем свидетельствует переписка между Кавказским гражданским губернатором М.Л. Малинским и смотрителем менового двора при Усть-Лабинском карантине прапорщиком Братчиновым. Наставления, полученные от губернатора, регламентировали перечень товаров, на которые можно было обменивать соль. Известен случай, когда соль была обменена на товары горцев, не входившие в данный перечень, в том числе скот, черкески, башлыки, бурки и др. Узнав о данном злоупотреблении,

¹⁹ Акты Кавказской археологической комиссии (далее – АКАК). Тифлис. 1866. С. 726.

²⁰ Там же. С. 739.

²¹ *Попко И.Д.* Черноморские казаки в их гражданском и военном быту... В двух частях. Краснодар: Советская Кубань, 1998 [1858]. С. 80.

М.Л. Малинский потребовал возместить расходы, понесенные казной на приобретение и доставку товаров, путем их перепродажи²².

Меновые дворы Черноморского казачьего войска состояли в распоряжении Войсковой канцелярии. Смотрители меновых дворов были обязаны вести учет прихода и расхода соли, хлеба, дерева и прочих товаров, подлежащих обмену. Прошнурованные книги учета с подписью смотрителей ежегодно представлялись на рассмотрение в Экономическую экспедицию Войсковой канцелярии. Наказному атаману также предоставлялся отчет о деятельности меновых дворов по делам, касающимся закубанцев, проживавших на приграничных территориях. Эти вопросы, наряду с секретной перепиской, карантинными дворами и другими вопросами безопасности, находились в подчинении войскового атамана²³.

В 30-е – 40-е гг. XIX в. на землях Черноморского казачьего войска функционировали следующие меновые дворы: Редутский с пунктами Совиный и Подмогильный, Александровский с пунктами Антоновский и Мало-Лагерный, Екатеринодарский с пунктами Павловский, Велико-Марьинский и Подгородный. Меновые дворы Великолагерный и Екатериновский пунктов не имели²⁴.

Товарообмен на данных меновых дворах должен был регулироваться определенными нормативными актами, иначе возникала опасность для появления коррупционных элементов. С этой целью по указу Канцелярии Черноморского казачьего войска подполковником Я.Г. Кухаренко была составлена такса, определявшая правила мена на этих дворах для всех черкесских продуктов и ремесленных изделий²⁵.

По мнению подполковника Якова Герасимовича Кухаренко, существование меновых дворов для войска было малоэффективным, так как их вклад в положение войска был незначительным. На первый взгляд войско должно было иметь большие выгоды от торговли с многочисленными племенами горцев Закубанья. Однако обмен давал только лес, и то в небольших количествах. Основной причиной неэффективности меновых дворов считалась нелегальная торговая деятельность, осуществлявшаяся черкесскими и нахичеванскими армянами. Стоит отметить тот факт, что администрация Черноморского войска считала необходимым развитие торговых связей казаков с горскими народами для улучшения дружеских отношений горцев с черноморскими казаками, поэтому предоставляла возможность

²² Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 687. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.

²³ Там же. Ф. 250. Оп. 2. Д. 710. Л. 2.

²⁴ Там же. Л. 266.

²⁵ Там же. Л. 261.

осуществлять меновую торговлю на меновых дворах всем желающим, стараясь не допустить чьей-либо монополии в ее осуществлении. Для допуска к торговле нужно было получить разрешение от начальства. В июне 1829 г. смотрителю Усть-Лабинского менового двора поступило распоряжение допустить таганрогского мещанина греческого происхождения Петра Найтаки к меновой торговле с горскими народами. Данное прошение было подано на том основании, что подобное разрешение было предоставлено армянскому торговцу Григорию Артунову. Разрешение на осуществление торговли при Усть-Лабинском карантине было дано по рекомендации Усть-Лабинского коменданта подполковника графа Юро. Более того, Петр Найтаки обязывался торговать по ценам, которые были зафиксированы на период с января 1829 г. до января 1830 г.²⁶

Однако никаких привилегий в торговле никому не предоставлялось. В 1829 г. к главнокомандующему на Кавказе графу Паскевичу поступило прошение о награждении нахичеванского учителя Аксения Авганова за предоставление полезных сведений о «закубанских хищниках» и выполнение функции проводника. В качестве поощрения А. Авганов просил дать ему привилегию торговать при Усть-Лабинской пристани с закубанскими народами. В ответ на данное прошение А. Авганова было решено наградить серебряной медалью, однако в предоставлении ему исключительного права на торговлю с горцами было отказано. В предписании пояснялось, что подобной привилегии на Кавказской Линии не существовало и она не могла быть допущена во избежание явной монополии.²⁷

Однако, по мнению подполковника Кухаренко, предоставляемыми возможностями «умели воспользоваться только одни армяне совершенно»²⁸. Основной причиной неэффективности меновых дворов считалась нелегальная торговая деятельность, осуществлявшаяся черкесскими и нахичеванскими армянскими купцами, расселенными по землям Черноморского и Линейного казачьих войск, а также за Кубанью и по всем горам Кавказа, которые вели торговлю с «явными для себя выгодами и всеми мерами, которые им предоставляло начальство»²⁹.

До 1830 г. на меновых дворах Кубани обмена подлежали в основном лес и соль. Торговлю продуктами и пушными товарами вели преимущественно армянские торговцы. Они тайно, с помощью горцев, живущих в хуторах на войсковой земле, переправляли соль за Кубань и, используя

²⁶ ГАКК. Ф. 687. Оп. 1. Д. 21. Л. 1.

²⁷ Там же. Д. 25. Л. 2.

²⁸ Там же. Ф. 250. Оп. 2. Д. 710. Л. 261.

²⁹ Там же. Л. 261.

черкесов как посредников, вели торговлю с горскими народами, не желавшими торговать с Российской Империей. Торговля между армянскими купцами и горцами осуществлялась по принятым у них нормам и правилам. Согласно этим правилам пуд войсковой соли при обмене приравнялся к одному рублю серебром в прежнем четырехрублевом курсе. Мерой исчисления товара были топы. При этом один топ равнялся двум рублям ассигнациями или половине рубля серебром, двойной топ был равен четырем рублям или одному рублю серебром. Указанный топ в товаре считался так: 8 аршин миткаля (бумажной ткани, изготовленной для обивки), «самой последней руки», т.е. низкого качества, стоивший на земле Черноморского казачьего войска 25 коп. за аршин, равнялся одному топу, т.е. в ценности один рубль серебром, тогда как по ценам, принятым в войске, топ миткаля бы продавался за 2 руб. ассигнациями. Один топ был эквивалентен только двум аршинам коленкора (тонкой хлопчатой ткани), стоившего по 1 рублю ассигнациями.

Деньги, вырученные при продаже товаров горцев, армянские купцы предпочитали тратить там же на покупку местных товаров, так как армянин, привезя деньги серебром на территорию казачьего войска, при покупке товаров у войска на сумму 3 руб. 50 коп. по курсу потерял бы 50 коп. Обмен товаров за Кубанью на изделия горцев был гораздо выгоднее продажи их на деньги. Черкесы имели возможность приезжать в Екатеринодар и покупать нужные им товары по ценам, существующим у казаков, поэтому ознакомившись с выгодами меновой торговли, они сами начали обменивать свои товары на товары тех горских народов, которые не были лояльно настроены по отношению к России и не имели с ней торговых связей³⁰.

По данным, имевшимся у Я.Г. Кухаренко, стоимость леса, полученного на всех меновых дворах через смотрителей за 1838, 1839 и 1840 гг., составила 16 880 руб. 86 коп. Количество проданной соли в стоимостном исчислении составило 5 059 руб. 90 коп., а всего на 21 940 руб. 76 коп. ассигнациями. На каждый рубль, полученный от обмена и продажи товаров на меновых дворах, войсковая казна получала пошлину в размере 20 копеек. За три года (1838–1840 гг.) чистая прибыль войска составила 1 504 руб. ассигнациями. Как полагал сам Я.Г. Кухаренко, если бы смотрители меновых дворов, писари, переводчики и другие служащие меновых дворов, назначенные на эти должности от войска, получали бы жалование из дохода, получаемого на меновых дворах, то войсковая прибыль от меновых дворов даже не позволила бы их содержать³¹.

³⁰ ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 710. Л. 264.

³¹ Там же. Л. 262.

Ведение бухгалтерского учета, да и сами торговые операции для казаков, было занятием обременительным, поэтому уже в 1811 г. Екатеринодарский и Редутский меновые дворы были сданы на откуп курским купцам 1 гильдии Михаилу Алексеевичу Сыромятникову и Сергею Васильевичу Антимонову. Откупной контракт, заключенный на четыре года, был очень выгодным для купцов и содержал следующие условия: дворы переходили в пользование откупщикам со всеми строениями и имуществом. Имевшаяся на момент заключения договора на складах соль была оценена в 50 коп. за пуд, соль из Таманских войсковых озер в дальнейшем приобреталась по 20 коп. за пуд. Купцам также было разрешено покупать соль у казаков по договорной цене. На этих условиях откупщики обязывались платить в войсковую казну 16 000 руб. в год.

Когда меновые дворы оказались на откупе, они стали приносить прибыль в пользу войску. Так, по Екатеринодарскому меновому двору она составила 16 000 руб., а по Редутскому – 18 000 руб. Как видно из приведенных выше данных, откупное содержание меновых дворов являлось наиболее эффективной мерой для войска. При этом задействованные ранее при меновых дворах чиновники и прислуга могли быть более полезными на службе. В то же время войско имело право продавать соль на месте откупщику, не затрудняясь ее доставкой до меновых дворов. Доставка могла быть организована откупщиком по сходным ценам, следовательно, и жители от этого могли иметь «некоторого рода промысел».

С целью улучшения прямого обмена товарами между горцами и казаками на меновых дворах Я.Г. Кухаренко предлагал вместо весов на меновых дворах ввести турецкие кантары, которые были более известны черкесам. Они исчислялись по окам, содержащими три фунта, при этом за пуд черкесы принимали 13 ок, и на равноценный вес охотно отдавали товары³².

Помимо соли и леса армянские торговцы наладили товарообмен между казаками и горцами и другими товарами. В течение двух лет (1839 и 1840 гг.) через Екатеринодарский частный карантин ими было провезено на Кубань товаров, кроме соли, на 283 065 руб. 74 коп., получено из-за Кубани черкесских товаров, кроме леса, на 309 827 руб. 70 коп. Таким образом, объем ввезенных на Кубань товаров был выше количества вывезенных на 26 761 руб. 96 коп. Разрабатывавший проект таксы Я.Г. Кухаренко полагал, что некоторая часть товаров оборачивалась через другие пункты секретно, и это количество определить было невозможно. Данное явление можно было объяснить тем, что провоз армянских товаров на Кубань и черкесских из-за Кубани ничем не был обложен, и чиновники карантина

³² ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 710. Л. 263.

не всегда проводили тщательную проверку товаров, а руководствовались в своих действиях только устными показаниями армян. Учреждение таксы на вывозимые за Кубань товары и принятие от армянских торговцев произведенных черкесами товаров должно было дать большую выгоду от торговли с горцами Закубанья.

Сам же Я.Г. Кухаренко считал, что всю торговлю армян и произвольную покупку товаров горцами Закубанья нужно запретить полностью и учредить по всем меновым дворам лавки, снабдив их необходимым для черкесов товаром и достаточным запасом соли. Он предлагал все, кроме леса, полученные от обмена товары и продукты отсылать в войсковую канцелярию или прямо в магазин, учрежденный в Екатеринодаре. «Если же необходимо нужно допустить торговлю армян за Кубанью, – писал Я.Г. Кухаренко, – то дозволить ее с тем, чтобы за перепускаемый на Кубани товар не иначе как чрез меновые дворы, взыскивать в пользу войска с каждого рубля стоимости оного по десяти копеек»³³. Было предложено запретить армянским торговцам провозить на Кубань и продавать приобретенные у черкесов товары. Вместо этого товар должен был сортироваться на меновых дворах, а затем приниматься в войско по ценам, принятым для обмена у черкесов. Оплата могла быть произведена по их желанию: солью, товаром или деньгами³⁴.

Правила меновой торговли 1843 г.

Несомненно, что торговые отношения между казаками и горскими народами нуждались в регулировании. Причем предпринимать активные меры в этом отношении было необходимо и для предотвращения возникших конфликтных ситуаций. Так, 30 мая 1841 г. смотритель Редутского менового двора есаул Чернявский доложил об ограблении Подмогильного обменного пункта на сумму 605 тыс. руб. ассигнациями и о том, что напавшие на них черкесы «ушли обратно за Кубань»³⁵. Закубанцам было выдвинуто требование выдать виновных в ограблении в течение семи дней, в противном случае меновой двор подлежал закрытию и обмен товаров должен был быть прекращен. На некоторое время оборот товаров на меновом дворе, действительно, был прекращен. Поводом к налаживанию отношений послужил привоз мирным дворянином Б. Аладжуковым большого количества леса и его настоятельные просьбы принять и оплатить данный товар. По разрешению Н.С. Завадовского в феврале 1842 г. лес был принят,

³³ ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 710. Л. 261.

³⁴ Там же. Л. 264.

³⁵ Там же. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1651. Л. 2.

а для его сохранения выставили даже казачий караул³⁶. Так постепенно деятельность Подмогильного менового двора возобновилась.

В 1842 г. в войсковое правление Черноморского казачьего войска поступило распоряжение начальника штаба генерал-майора Г.А. Рашпиля разработать срез правил меновой торговли. Войсковому начальству было поручено составить подробные правила торговли и представить их на Высочайшее утверждение. Также было поручено разработать меры по развитию торговли на меновых дворах, приносящей пользу войску. Имевшиеся и действовавшие на тот момент некоторые правила торговли могли служить основой для составления нового свода правил, но в особенности важно было учесть опыт торговых отношений с горцами за предыдущие годы³⁷.

22 февраля 1843 г. войсковое правление Черноморского казачьего войска представило на рассмотрение императору Николаю I правила меновой торговли с горскими народами на меновых дворах и пунктах. Данные правила были разработаны согласно пунктам 409 и 410 Положения о Черноморском казачьем войске, утвержденном 1 июля 1842 г. Правила состояли из 108 пунктов. Первый пункт декларировал необходимость наблюдения и покровительства меновой торговли со стороны войскового начальства. Также отмечалось, что меновая торговля не может быть предметом «торговых предприятий и промыслов частных людей»³⁸. В отдельных пунктах правил указывались запрещенные товары. Предметом торгова не могли быть банковские российские ассигнации, депозитные и кредитные билеты, огнестрельное и холодное оружие, военные снаряды, порох, пули, свинец и т.д. Также уточнялось, что хлеб можно было отпускать не иначе, как по особому распоряжению начальства в случае голода в аулах мирных черкесов³⁹. Еще один пункт правил гласил, что все закубанские товары, привезенные на меновой двор, должны были приобретаться по установленным ценам, которые устанавливались ежегодно, а определенный процент от сбыта товаров поступал в пользу войсковых доходов⁴⁰.

Согласно Правилам цены на товары на меновых дворах устанавливались во время проведения Покровской ярмарки, которая, как правило, привлекала в город Екатеринодар множество посетителей из мирных черкесских аулов. Ежегодно 1 октября войсковой наказной атаман приглашал на екатеринодарский меновой двор членов войскового правления, почет-

³⁶ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1651. Л. 17.

³⁷ Там же. Ф. 250. Оп. 2. Д. 710. Л. 274.

³⁸ Там же. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1710. Л. 15.

³⁹ Там же. Л. 32.

⁴⁰ Там же.

ных черкесских старшин и столько же простых людей из разных аулов бжедугских племен, осуществлявших предпринимательскую деятельность. Приглашенные приходили в сопровождении людей, владевших турецким и арабским языками. Также на это собрание приглашались зрители всех меновых дворов и три почетных екатеринодарских торговца от «трех торговых каст: русской, армянской и казачьей»⁴¹. Зритель на екатеринодарском меновом дворе устраивал выставку всех привозимых из-за Кубани товаров. Приглашенные на выставку участники собрания оценивали выставленные экземпляры товаров и заполняли приготовленные для них бланки, где они указывали подходящие, по их мнению, цены. Путем такого голосования определялись цены на следующий год, после этого составлялась такса. Экземпляры таксы на русском, арабском или турецком языках рассылались участникам меновой торговли⁴².

Генерал-губернатор Новороссийского края М.С. Воронцов выражал обеспокоенность состоянием торговли на меновых дворах, расположенных на Кавказской линии. В 1845 г. в Кавказской области и Черноморье находилось 10 меновых пунктов, на которых, по мнению М.С. Воронцова, торговля не только не сделала больших успехов, «но напротив упала, а в некоторых местах и вовсе не существовала»⁴³. Несмотря на усилия правительства, направленные на развитие торговли в регионе, с 1833 г. отмечалось снижение эффективности работы меновых дворов. Среди причин этого князь М.С. Воронцов называл ограниченность торговли товарами русского производства, которые были необходимы горцам, а также нежелание русских промышленников участвовать в торговле. Вероятно также, что развитию торговли препятствовали несистемные, постоянно меняющиеся карантинные меры и военные действия на границе⁴⁴. Тем не менее нельзя отрицать значения меновой торговли для горцев, так как в неурожайные годы (1828, 1845) в Закубанье горцы получали хлеб в обмен на лес. В 1845 г. на меновые дворы Кубани они доставили 3043 арбы леса и обменяли его на 4661 меру зерна⁴⁵.

9 февраля 1846 г. было утверждено Положение о меновой торговле с горцами по Кавказской линии. Данное положение, состоявшее из 14 пунктов, определяло порядок функционирования меновых дворов на Кубани. Отныне предметами менового торга с горцами, кроме соли, могли быть любые товары, разрешенные к привозу из России. На основании Таможенного

⁴¹ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1710. Л. 33.

⁴² Там же. Л. 34.

⁴³ АКАК. Тифлис. 1885. С. 569.

⁴⁴ Там же. С. 570.

⁴⁵ ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 817. Л. 59.

устава 1842 г. предметами торга горцев с русскими промышленниками могли быть товары горского происхождения, относящиеся к перечню товаров беспошлинного ввоза в Россию. Русские промышленники, желавшие участвовать в меновом торге с горцами, имели право пользоваться преимуществами, если Кавказский наместник признавал нужным привлекать русских промышленников к участию в меновом торге с горцами. Общий надзор за меновой торговлей поручался главному попечителю меновых сношений с горцами на Кавказской линии⁴⁶. Попечительство и центральный меновой двор находились в городе Пятигорске. Главный попечитель назначал торговые дни на каждом меновом дворе, извещал о них и горцев, и русских помещиков. Главной целью принимаемых законов было наладить торговлю, усилить контроль, обеспечить лояльность горцев по отношению к России путем налаживания и интенсификации товарообмена. В систему меновой торговли входили также соляные магазины, откуда соль поступала в меновые дворы, но магазины были подотчетны Кавказской казенной палате⁴⁷.

В 1850 г. меновая торговля на Кавказской линии была ограничена по причине нарастающей напряженности между казаками и горскими народами. По просьбе некоторых бжедугских князей и с разрешения генерал-майора Г.А. Рашпиля продажа соли «верным» бжедугам могла производиться только в Екатеринодаре и только за деньги. Во время военных действий именно экономические санкции наиболее эффективно воздействовали на горцев, заинтересованных в торговле с казаками. В 1851 г. меновая торговля на Кавказской линии была прекращена по причине обострения военных действий. Товарообмен с горскими народами Закубанья принял другие формы, широкое распространение получили ярмарки и базары. Меновое попечительство было упразднено в 1855 г.

Выводы

Таким образом, регулирование торговых отношений между казаками и горцами на первом этапе происходило с большим трудом. Первоначально были организованы меновые дворы, которые должны были помочь избежать конфликтов между казаками и горскими народами, а также наладить взаимовыгодный обмен продуктами, солью и лесом. Однако сами казаки, не имевшие опыта в ведении торговли, предпочитали отдавать меновые дворы на откуп купцам. Откупное содержание меновых дворов считалось наиболее выгодной формой их использования. Отсутствие опыта в веде-

⁴⁶ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собрание (1825–1881). 1846. Т. 21.

⁴⁷ Там же.

нии торговых дел стало причиной недостаточного контроля над провозом товаров через границу земель Черноморского казачьего войска. Отсутствием должного контроля особенно пользовались армянские купцы, осуществлявшие нелегальную торговую деятельность.

С целью повышения доходов казачьего войска от деятельности меновых дворов была разработана такса, определявшая цены на товары, которыми торговали на меновых дворах. В 40-х гг. XIX в. были разработаны нормативные акты, регулировавшие порядок ценообразования и функционирования меновых дворов, и учреждены органы, осуществлявшие общий надзор за меновой торговлей. Данные органы находились в ведении Кавказского наместника, который среди прочего имел право привлекать русских промышленников для интенсификации товарообмена на меновых дворах. Позже эти органы были упразднены в связи с обострением военного конфликта, и торговля между казаками и горцами приняла иные формы товарообмена.

© Сухомлинова К.Ю., 2018

Рукопись поступила: 4 февраля 2018 г.

Submitted: 4 February 2018

References

- Barett, T.M. "Crossing Bondaries: The Trading Frontiers of the Terek Cossacks." In *Russia's Orient: imperial borderlands and peoples, 1700–1917*, 227–249. N.p.: Indiana University Press, 1997.
- Bashqawi, Adel. *Circassia: Born to Be Free*. N.p.: Xlibris Corporation, 2017.
- Basieva, Z.M. "By N.N. Raevski as Chief of the Black Sea Coastline (1839–1841)." *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta im. K.L. Khetagurova. Obshchestvennye nauki*, no. 3 (2012): 26–31 (in Russian).
- Berzhe, A.P., ed. *Akti, sobrannye Kavkazskoi arheograficheskoi komissiei. Archiv glavnogo upravleniya namestnika Kavkazskogo* [Acts collected by the Caucasian Archeographic Commission. Archives of the main department of the governor of the Caucasus]. Vol. 1. Tiflis: Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo Press, 1866 (in Russian).
- *Akti, sobrannye Kavkazskoi arheograficheskoi komissiei. Archiv glavnogo upravleniya namestnika Kavkazskogo* [Acts collected by the Caucasian Archeographic Commission. Archives of the main department of the governor of the Caucasus]. Vol. 10. Tiflis: Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo Press, 1885 (in Russian).
- Bliev, M.M. *Rossiya i gortsy Bol'shogo Kavkaza. Na puti k tsivilizatsii* [Russia and the Highlanders of the Greater Caucasus. On the road to civilization]. Moscow: Mysl' Publ., 2004 (in Russian).
- Cherkasov, A.A., Smigel, M., Bratanovskii, S., and Valleau, A. The Circassian Aristocracy in the late XVIII – the first half of XIX centuries: the Social Structure of Society. *Vylye Gody* 47, no. 1 (2018): 88–96 (in Russian).

- Clarke, E.D. *Travels in Various Countries of Europe, Asia and Africa: Russia, Tartary, and Turkey*. N.p.: T. Cadell and W. Davies, 1817.
- Fedoseeva, L.D. “Menovaya trgovlya s gorskim naseleniem na Vostochnom beregu chernogo morya v pervoipolovine XIX v.” [Barter trade with highlanders on the Eastern Black Sea Coastline in the first half of the XIX century] *Vestnik of the Adygeya State University*, no 3 (2005): 40–43 (in Russian).
- Grankin, Y.Y. “The Trans-Caucasian trade in the system of political and economic priorities of the Russian authorities in the region (the first half of the 19th century).” *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta. K.L. Khetagurova. Obshchestvennye nauki*, no. 2 (2017): 13–18 (in Russian).
- Herman, R.E. “Barter Central Caucasia at the end of XVIII – early XIX centuries in the system of measures for «pacification of the Caucasus.” *Vestnik of Stavropol state pedagogical institute* 16 (2016): 234–241 (in Russian).
- Ivantsov, V. G., Makarov, Y. N., Zimovets, L.G., and Shevchenko, N.A. The Policy of the Tsarist Authorities to Involve Mingrelia in the Political and Legal Space of the Russian Empire (1774–1857). *Bylye Gody* 49, no. 3 (2018): 1019–1027 (in Russian).
- Kidirniyazov, D.S. “Razvitie trgovli u Severokavkazskikh narodov v 30–50-e gg. XIX v.” [The development of trade among the north Caucasian peoples in the 30–50-ies XIX century] *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, no. 2 (2016): 19–25 (in Russian).
- Klychnikov, Y.Y. and Vinogradov, V.B. ed. *Rossiyskaya politika na Severnom Kavkaze (1827–1840)* [Russian Policy in the North Caucasus (1827–1840)]. Pyatigorsk: PGLU Publ., 2002 (in Russian).
- Narochnitskii, A.L. *Istoriya narodov Severnogo Kavkaza (konets XVIII v. – 1917 g.)* [The history of the peoples of the Northern Caucasus late 18 century – 1917]. Moscow: Nauka Publ., 1988 (in Russian).
- Pokrovsky, M.V. *Izistorii adygov v kontse XVIII – pervoi polovine XIX veka: sotsialno-ekonomicheskie ocherki* [From the history of the Circassians in the late 18th – first half of 19th century: Social and economic essays]. Krasnodar: Krasnodar book house Publ., 1989 (in Russian).
- Popko, I.D. *Chernomorskie kazaki v ih grazhdanskom i voennom bytu: ocherki kraya, obshchestva, vooruzhonnoy sily i sluzhby* [Black Sea Cossacks in their civil and military life: essays on region, society, armed forces and service]. Krasnodar: Sovetskaya Kuban Publ., [1858] 1998 (in Russian).
- Shamray, V.S. “Kratkiy ozherk menovyh (torgovyh) snoshenii po Chernomorskoy kordonnoy i beregovoy linii s Zakubanskimi gorskimi narodami. S 1792 po 1864 g. (Na osnovanii dokumentov, izvlechennyh iz del Kubanskogo voiskovogo i Vladikavkazskogo central’nogo arkhivov.” [A brief outline of barter (trade) relations in the black sea cordon and coastline from the Circassians. From 1792 to 1864 (On the basis of documents extracted from the Kuban military Affairs and the Vladikavkaz Central archives)] In *Kuban collection*, 353–522. Vol. 8. Ekaterinodar: [S.n.], 1902 (in Russian).

- Shcherbina, F.A. *Istoriya kraya* [The history of the region]. Vol. 1. of *Istoriya Kubanskogo Kazachiego Voyska* [History of The Kuban Cossack Army]. N.p.: Soviet Kuban Publ, 1910 (in Russian).
- *Istoriya voiny kazakov s zakubanskimi gortsami* [The history of war between Cossacks and Circassians: military-historical map of the Kuban region in the period from 1800 to 1860]. Vol. 2. of *Istoriya Kubanskogo Kazachiego Voyska* [History of The Kuban Cossack Army]. Soviet Kuban Publ, [1913] 1992 (in Russian).
- Shigabutdinov, D.M. “Torgovaya politika Rossii na severo-vostochnom Kavkaze v period Kavkazskoy voiny.” [Trade policy of Russia in the North-Eastern Caucasus during the Caucasian war] *Fundamental research*, no. 4 (2013): 494–498 (in Russian).
- Sobrieski, A.S. “Torgovoe obshchestvo kazakov v Chernomorskom (Kubanskom) kazach'em voyske. 1897. (spisok chlenov obshchestva v 1843–1862 gg.” [Trading Cossacks company in the black sea (Kuban) Cossackshost. 1897 (lists of members of the society in 1843–1862] In *Kuban collection*, 3–116. Vol. 4. Ekaterinodar: [S.n.], 1898 (in Russian).
- Trekhbratov, B.A. *Istoriya i kultura narodov Prikubaniya s drevneyshih vremen do nachala XX veka* [History and culture of peoples of the Kuban from ancient times to the early 20th century]. Krasnodar: Tradition Publ., 2011 (in Russian).
- Trius, L.I. “O sovremennykh podkhodakh k izucheniyu voprosov mezhkul'turnogo vzaimodeystviya na Severnom Kavkaze.” [On modern approaches in studying intercultural interactions in the North Caucasus] *Izvestiya of Herzen State Pedagogical University of Russia*, no. 77 (2008): 186–192 (in Russian).
- Velikaya, E.V. “Russian government actions for trade development within north-eastern caucasus in the first half of the XIXth century.” *Historical, philosophical, political and law Sciences, Culturology and study of art. Issues of theory and practice*, no. 9 (2012): 47–50 (in Russian).

Archives

- Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraya [State archive of Krasnodar region] (thereafter – GAKK), f. 250, op. 2, d. 710.
- GAKK, f. 249, op. 1, d. 1651.
- GAKK, f. 249, op. 1, d. 1710.
- GAKK, f. 261, op. 1, d. 817.
- GAKK, f. 687, op. 1, d. 1.
- GAKK, f. 687, op. 1, d. 21.
- GAKK, f. 687, op. 1, d. 25.
- Gosudarstvennyi arkhiv Stavropolskogo kraya [State archive of Stavropol region], f. 20, op. 1, d. 12.

Regulations for trade between Cossacks and highlanders in the first half of the 19th century

Kseniya Y. Sukhomlinova

Academy of marketing and socially-information technologies

5 Zipovskaya St., Krasnodar, 350010, Russia

sukhomlinova0206@gmail.com

Abstract: The resettlement of Kuban Cossacks and the exploration of new territories in the late 18th and early 19th centuries were fraught with difficulties. While the Cossacks' main function was the establishment of a cordon line and the protection of the Russian Empire's borders, they were also given the opportunity to build new and mutually beneficial trade relations with the population groups of the near-by Caucasus. The establishment of exchange trade yards on the border required regulations and documentation. The article discusses the functioning of the exchange trade yards in the Kuban region in the 19th century, as well as the main measures taken by the government of the Russian Empire and the administration of the Black Sea Cossack Host for developing trade between the Cossacks and the Caucasian population. The author analyzes the history of the trade yards from their foundation in the early 19th century to their abolition in the 1850s; equally discussed are the problems which the Cossacks and Caucasians faced in the process of exchanging goods, and the measures taken by officials to solve these problems. The focus is on a number of archival documents which regulated the process of trading, in particular tariffs on basic goods and rules for bartering with highlanders.

Keywords: Kuban, exchangetrade yards, barter, Cossacks, highlanders, Armenian merchants, tariff

For citation: Sukhomlinova, Kseniya Y. "Regulation for trade between Cossacks and highlanders in the first half of the 19th century." *RUDN Journal of Russian History* 17, no. 4 (2018): 752–768. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2018-17-4-752-768>